
ЛЕОНА ВАЛИ
До того, как ты меня убьёшь
18+
18+

Леона Вали

До того, как ты меня убьёшь

«Автор»
2026

Вали Л.

До того, как ты меня убьёшь / Л. Вали — «Автор», 2026

Я могу забыть, куда положила ключи. Перепутать время встречи. Не вспомнить чужое имя.Но могла ли я придумать человека, которого видела в гостиничном номере?Четыре года назад решили, что могла. Теперь я выхожу из тюрьмы и хочу наконец выяснить, что произошло той ночью.Мне двадцать восемь. Я возвращаюсь к танцам, привыкаю к свободе и знакомлюсь в баре с Артёмом. Красивый мужчина, взаимное желание, возможность самой решить, чем закончится вечер.Мы могли разойтись утром. Вместо этого я приглашаю его снова. Оставляю вторую чашку на столе. Прислушиваюсь к шагам за дверью.Мне уже мало знать, как он целуется. Я хочу узнать человека, которого впускаю в свою жизнь.Тем временем в истории моего преступления обнаруживаются подробности, которых я не знала.Однажды я уже поверила человеку больше, чем собственной памяти.С Артёмом мне хочется позволить себе гораздо больше. И именно поэтому я больше не могу довольствоваться тем, что мне рассказывают.

© Вали Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 17
Глава 4 25
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Леона Вали
До того, как ты меня убьёшь

Глава 1

Когда дверь за моей спиной закрылась, я ещё несколько секунд стояла на месте. Прижимала пакет к животу и ждала.

Окрика. Чьего-нибудь «Лаврова, стой». Щелчка замка. Голоса, который скажет, куда идти дальше.

Ничего не произошло. Передо мной была парковка, мокрый асфальт и низкое октябрьское небо. За металлическим ограждением тянулась дорога. Машины ехали в обе стороны, не замедляясь, будто сегодня не произошло ничего важного.

Я посмотрела на пакет в своей руке. Документы. Телефон.

Несколько вещей. Косметичка, в которой почти ничего не осталось. Старый свитер, который Лера когда-то передала мне и который почему-то пережил всё лучше меня.

Четыре года жизни прекрасно помещались в обычный серый пакет.

— Всё, — сказала женщина рядом.

Я вздрогнула и повернулась. Сотрудница уже смотрела куда-то мимо меня. Для неё действительно всё.

Я кивнула.

— Спасибо.

Слово прозвучало настолько нелепо, что мне захотелось рассмеяться. Спасибо за что? Но ничего другого в голову не пришло.

Женщина вернулась внутрь. Дверь снова открылась, на секунду показав коридор, а потом захлопнулась. Теперь уже окончательно.

Я осталась одна. Первое, что я сделала, — посмотрела на часы. Потом ещё раз. Телефон показывал 10:17.

Мне не нужно было никуда успевать. Эта мысль оказалась страннее, чем я ожидала. Я могла стоять здесь до одиннадцати. До полудня.

Могла перейти дорогу. Могла вызвать машину. Могла просто пойти прямо и посмотреть, куда дойду.

Никто не ждал меня через десять минут. Никому не нужно было объяснять, зачем мне выйти из комнаты. Я вдруг поймала себя на том, что всё ещё стою.

— Ну и что ты делаешь? — пробормотала я.

Собственный голос на улице прозвучал непривычно громко.

Первые шаги были обычными. Настолько обычными, что мне даже стало обидно. Я слишком много раз представляла этот момент. Думала, воздух будет другим.

Что меня накроет каким-нибудь невозможным счастьем. Что я заплачу. Или засмеюсь. Или побегу, как идиотка из фильма, лишь бы подальше от забора.

Ничего такого. Воздух пах мокрой землёй и бензином. Было холодно. И я немного замёрзла.

Вот и вся свобода. За воротами я остановилась снова. На этот раз потому, что передо мной оказался выбор. Налево или направо. Совершенно идиотская вещь.

Я знала, куда мне нужно. Конечно знала. Но какое-то время всё равно смотрела в обе стороны.

Потом достала телефон. Экран загорелся слишком ярко. На нём было несколько уведомлений: системные, реклама и сообщение от Леры, пришедшее ещё утром.

«Я всё равно могу приехать. Скажи только куда». Под ним — ещё одно:

«И не начинай своё я сама. Сегодня можно не самой». Я улыбнулась. Лера не менялась. Или очень старалась казаться, что не менялась.

Пальцы зависли над экраном. Можно было написать ей, что я вышла. Она бы приехала. Наверняка привезла бы кофе, который остыл бы по дороге, что-нибудь съедобное и слишком много слов, потому что Лера всегда говорила больше, когда нервничала.

Но я закрыла переписку. Сначала домой. Сначала к Саше.

Эту последовательность я придумала давно. Не в первые месяцы. Тогда я вообще почти ничего не планировала дальше следующей недели. Потом появились даты, которые можно было считать, пересчитывать, ненавидеть. Потом — осторожные разговоры об УДО. Потом надежда, которую я запрещала себе называть надеждой, чтобы не сглазить.

Когда стало понятно, что я действительно могу выйти раньше, я решила не говорить Александру точный день. Это было почти детским желанием. Сюрприз.

После четырёх лет расписаний, разрешений, звонков по времени, свиданий, которые начинались и заканчивались не тогда, когда хотелось нам, я хотела хотя бы одну встречу устроить сама. Просто позвонить в дверь. Увидеть его лицо.

Наверное, он сначала не поверит. Потом скажет что-нибудь вроде: «Ты вообще нормальная? Почему не предупредила?» — и засмеётся.

Я так хорошо представила этот смех, что внутри наконец что-то дрогнуло. Не счастье. Но уже близко.

Я открыла приложение такси. Оно спросило разрешение использовать моё местоположение. Я смотрела на вопрос дольше, чем требовалось.

«Разрешить при использовании приложения». Нажала. Карта приблизилась. Синяя точка показала меня посреди совершенно обычной дороги. Почему-то именно это оказалось самым убедительным доказательством, что я действительно снаружи.

Я есть на карте. Можно выбрать адрес. Можно уехать.

Никто не вернёт меня назад за то, что я нажала не ту кнопку. Я ввела домашний адрес. Слово «дом» появилось в подсказках раньше, чем я успела набрать улицу полностью. Старый сохранённый адрес каким-то образом пережил четыре года моей жизни.

Я нажала на него. Машина должна была приехать через девять минут. Девять минут свободного времени.

Я огляделась и увидела через дорогу небольшую кофейню. Даже не кофейню — окно с вывеской, пластиковым козырьком и картинками стаканов. Я могла купить кофе. До приезда машины успевала и дойти, и вернуться; деньги были в кармане.

Я перешла дорогу. У окна передо мной стоял парень в куртке и говорил по телефону. Он выбирал между двумя сиропами так долго, будто от этого зависела его дальнейшая жизнь.

Я смотрела на меню. Эспрессо. Американо. Капучино.

Латте. Раф. Сиропы. Размеры.

Растительное молоко. Когда подошла моя очередь, девушка за стойкой спросила:

— Вам что?

И я растерялась.

— Кофе.

Она посмотрела на меня без всякого выражения.

— Какой?

— Обычный.

— Американо?

— Да.

— Маленький, средний, большой?

Я чуть не сказала: «Какой положено». Прикусила язык.

— Средний.

— Молоко? Сироп?

— Нет. Просто кофе.

Я протянула купюру и убрала руку раньше, чем девушка успела дать сдачу. Пришлось вернуться к окошку. Щёки почему-то стали горячими.

Никто вокруг не смотрел. Никому не было дела до женщины, которая растерялась у окошка с кофе. Наверное, это и было одним из преимуществ большого мира: большинству людей на тебя наплевать.

Я взяла стакан и отошла. Первый глоток обжёг язык. Кофе оказался горьким и водянистым. Я всё равно выпила ещё.

Машина приехала через три минуты. Водитель вышел, когда увидел пакет, и открыл багажник. Я машинально прижала пакет к себе.

— Можно сюда, — сказал он, кивнув на багажник.

— Я с собой.

— Как хотите.

Он пожал плечами. Я села назад и поставила пакет на колени. Дверь закрылась. На секунду грудь сжало так резко, что пришлось вдохнуть через рот.

Закрытая машина. Заблокированные двери. Мужчина впереди.

Я посмотрела на ручку. Обычная ручка. Нажми — дверь откроется. Я знала это.

Водитель посмотрел в зеркало и повернул ко мне экран навигатора.

— Адрес верный?

На экране был наш дом. Наш.

— Да. Всё правильно.

Машина тронулась. Я отвернулась к окну.

Город оказался одновременно знакомым и чужим. Я узнавала улицы, но не магазины. Фасады домов остались на месте, вывески сменились. Там, где раньше был салон красоты, теперь открылась пекарня. Старую аптеку заменил магазин техники. На одном перекрёстке появились новые ограждения, и водитель недовольно выругался, потому что навигатор предлагал поворот, которого больше не существовало.

Мне хотелось смотреть сразу во все стороны. Люди шли по тротуарам, уткнувшись в телефоны. Девушка несла огромный букет. Мужчина выгуливал собаку в смешном жёлтом дождевике. У остановки подростки ели что-то из бумажных коробок и толкались.

Никто из них не знал, что четыре года моей жизни закончились сегодня в десять семнадцать. И это было правильно. Я сделала ещё глоток кофе.

Четыре года его голос иногда был всем, что у меня от него было. Я знала его интонации лучше собственного отражения. Знала, когда он устал, хотя говорил, что всё нормально. Знала паузу перед тем, как он произносил что-нибудь неприятное. Знала, как мягче становился его голос, когда он говорил: «Ев».

На последнем свидании он спросил, чего я хочу первым делом, когда выйду. Я ответила: принять ванну. Он засмеялся.

— Серьёзно? Четыре года думаешь о свободе и мечтаешь о ванне?

— О ванной. С пеной. На два часа. И чтобы никто не стучал.

— Принято.

— И нормальный кофе.

— Ванна, кофе. Что ещё?

Я тогда пожала плечами. Домой. Этого я не сказала. Казалось слишком очевидным.

Я открыла камеру. На меня посмотрела женщина, с которой я всё ещё не вполне привыкла себя отождествлять.

Волосы я отрастила ещё там, насколько это было возможно, но сегодня они лежали плохо. Кожа казалась слишком бледной. Под глазами — тени. Никакая трагическая красота заключённой, как любят показывать в кино. Просто женщина двадцати восьми лет, которая выглядела уставшей.

Я подняла волосы, распустила снова, наклонила голову. Стерла пальцем размазавшуюся тушь под глазом. Зачем я красилась утром, сама не знала. Точнее, знала. Для него.

Смешно.

За последние четыре года мне задавали много вопросов про Александра. Почему он остался? Верит ли он мне? Не собирается ли разводиться? Как часто приезжает?

Сначала я отвечала подробно. Потом научилась говорить коротко. Он мой муж. Он меня любит. Он ждёт.

В этих трёх фразах помещалось почти всё, что мне было нужно. Я не думала о том, насколько унизительно быть благодарной собственному мужу за то, что он не исчез после приговора. Благодарность всё равно была.

Я узнавала его шаги ещё до того, как он появлялся в дверях комнаты для свиданий. Пока другие устраивались за столами, Саша вынимал из кармана очки, хотя раньше читал без них, и спрашивал, не давит ли мне новая обувь. Помнил то, о чём я сама успевала забыть между звонками.

Когда он просил не спорить с адвокатом или не возвращаться опять к той ночи, я злилась. Потом время кончалось, и я ненавидела себя за то, что потратила на спор десять минут из наших нескольких часов. В следующий раз старалась начать с хорошего.

И сегодня я наконец могла вернуться к нему без стекла, расписания и чужих глаз.

Машина остановилась на светофоре. Я заметила витрину магазина одежды и вдруг подумала, что можно было сначала купить что-нибудь новое. Не ехать домой в джинсах, свитере и куртке, которую Лера передала мне ещё прошлой зимой. Приехать красивой. Такой, какой Саша меня помнил.

Мысль была настолько глупой, что я почти рассердилась на себя. Какой именно он меня помнил? Двадцатичетырёхлетней? С длинными волосами, вечным кофе в руке и привычкой бросать танцевальную сумку посреди прихожей?

Я уже не была той женщиной. Он тоже, наверное, изменился.

На последних встречах это было трудно заметить. Несколько часов разговора способны законсервировать человека. Каждый раз я смотрела на него жадно, пыталась запомнить лицо, руки, запах одеколона, смешную складку между бровями. А потом месяцы жили между встречами своей жизнью.

Возможно, дома я впервые увижу, насколько четыре года прошли и для него. Эта мысль неожиданно испугала. Я снова посмотрела в окно.

— Можно музыку потише? — спросила я.

Водитель сразу убавил.

— Так нормально?

— Да. Спасибо.

Он ничего не спросил. Я была ему благодарна. Телефон снова загорелся. На этот раз Лера.

«Ну?»

Я всё-таки ответила: «Вышла». Три точки появились почти мгновенно.

«ГДЕ ТЫ?»

Я усмехнулась. «Еду домой». Ответ пришёл секунд через пять:

«К нему?»

Я закатила глаза, хотя она не могла видеть. «Лер». «Что Лер? Я просто спросила».

«Да. К мужу. Представляешь».

Она долго не отвечала. Потом прислала: «Позвони потом. В любое время».

Я перечитала сообщение. В нём было что-то, чего я не смогла определить. Осторожность? Неловкость? Или я уже придумывала.

Я заблокировала телефон. Не сегодня. Я слишком хорошо знала, что происходит, когда начинаешь искать второй смысл в каждом слове. Лера могла просто волноваться. Это нормально.

Сегодня вообще всё должно было стать нормальным. Хотя бы постепенно.

Навигатор сообщил, что до точки назначения осталось семь минут. Я расправила плечи. Потом засмеялась сама над собой. Как будто еду на собеседование.

Саша видел меня и в худших состояниях. Особенно в худших.

Он видел, как я плакала и требовала от него поверить мне. Как повторяла одно и то же по десять раз. Как злилась, когда он просил успокоиться. Видел после суда. Видел, когда я сама уже не могла объяснить, что именно произошло той ночью так, чтобы это не звучало безумно.

И всё равно приходил. Однажды, примерно через год после приговора, я спросила:

— Ты когда-нибудь пожалеешь, что остался?

Он посмотрел на меня так, будто вопрос был глупым.

— Нет.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что знаю тебя.

Я тогда заплакала. Некрасиво. Беззвучно сначала, потом совсем по-детски, закрывая лицо ладонями.

Александр не мог прикоснуться ко мне так, как хотел. Между нами оставались правила, чужие взгляды, время. Но он сидел напротив до конца свидания.

«Потому что знаю тебя». Наверное, именно за эту фразу я держалась дольше всего. Если хотя бы один человек знает меня — настоящую, — значит, я ещё существую.

Машина свернула на знакомую улицу. Я выпрямилась.

Четыре года исчезли не сразу. Сначала появился магазин у перекрёстка, где я покупала цветы отцу. Потом аптека. Двор. Деревья стали выше. И наконец дом.

Я увидела его издалека и перестала слышать всё остальное.

Он почти не изменился. Те же окна. Тот же балкон. Тёмная крыша после дождя. Даже куст у забора разросся именно туда, куда Саша каждый год обещал не дать ему расти.

В груди стало тепло. Вот теперь. Вот теперь я наконец почувствовала то, чего ждала с утра.

Водитель остановился.

— Приехали.

Я не сразу отозвалась.

— Да.

Оплатила поездку наличными и вышла. Машина уехала. Я осталась перед домом со своим серым пакетом и недопитым отвратительным кофе.

На секунду мне захотелось позвонить Александру прямо сейчас. Сказать: выйди. Я здесь.

Но тогда я не увижу его лицо в первую секунду. Нет.

Я выбросила стакан в урну у ворот. Провела ладонями по джинсам. Достала телефон и ещё раз посмотрела на себя в чёрном экране. Поправила волосы.

— Ну, привет, — тихо сказала собственному отражению.

Потом посмотрела на окна. Где-то там был мой муж. Человек, который четыре года не позволял мне окончательно поверить, что вся моя жизнь закончилась в одном гостиничном номере. Человек, к которому я возвращалась.

Дом остался на месте. И впервые за весь день мне стало по-настоящему спокойно.

Я взяла пакет поудобнее и пошла к двери, представляя, как Александр сначала замрёт, потом рассмеётся и спросит, почему я опять всё решила сама.

Глава 2

Я поднялась по ступенькам и только у двери поняла, что машинально полезла в карман за ключами. Ключей у меня не было.

Все вещи, которые остались после задержания, давно забрал Саша. Что-то потом передавал мне, что-то хранил дома. Я ни разу не спрашивала про связку с маленьким потёртым брелоком в виде балерины. Зачем мне были ключи там, где ни одной двери нельзя было открыть самой?

Я нажала на звонок. Внутри сразу послышались шаги. Сердце ударило сильнее. Глупо, почти по-девчачьи. Я успела представить, как дверь распахнётся, Саша замрёт, а потом рассмеётся именно так, как я всю дорогу себе придумывала.

Щёлкнул замок. Дверь открыла женщина.

Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга. Она была примерно моего возраста. Может, чуть младше. Светлые волосы собраны в небрежный хвост, на ней свободные домашние брюки и тонкий серый свитер.

Босиком. В одной руке кружка, в другой — детская резинка для волос. Я автоматически посмотрела за её плечо, ожидая увидеть Сашу.

— Александр дома?

Женщина не ответила сразу.

— Да. А вы…

— Ева.

Её лицо изменилось. Совсем немного. Но за последние годы я научилась замечать паузы лучше слов.

— Ева? — переспросила она.

Я улыбнулась, потому что всё ещё не понимала, почему она смотрит на меня так, будто я пришла не домой, а без приглашения на чужую свадьбу.

— Да. Ева Лаврова.

Она поставила кружку на тумбу у двери.

— Подождите здесь, пожалуйста.

«Здесь» было снаружи моего собственного дома. Я даже не обиделась. Скорее удивилась.

— Я сама.

Она хотела что-то сказать, но я уже шагнула через порог. Запах был знакомым и чужим одновременно. Дом всегда пах деревом, кофе и Сашиным парфюмом. Сейчас к этому примешивался сладкий запах чего-то выпеченного и ещё один — детского крема, наверное. Я не успела толком подумать об этом, потому что взгляд зацепился за прихожую.

Моя высокая чёрная ваза исчезла. На её месте стояла плетёная корзина. На крючках висели две женские куртки, которых я никогда не видела. Под скамьёй — маленькие розовые сапоги с засохшей грязью на подошве. Я посмотрела на женщину.

Она уже закрыла дверь.

— Вы здесь работаете?

Женщина убрала кружку подальше от края тумбы, и я сразу пожалела о вопросе.

— Нет.

— Извините. Я просто…

Из глубины дома раздался детский голос:

— Мам!

По коридору пробежала девочка. Маленькая, в полосатых колготках и длинной футболке с каким-то мультяшным зверем. Волосы были собраны только с одной стороны, вторая прядь

падала на лицо. Наверное, той самой резинки в руке женщины и не хватало. Девочка остановилась, увидев меня.

— Мам, кто это?

Женщина быстро подошла к ней и поправила волосы.

— Мия, иди пока в комнату.

— Не хочу.

— Я сейчас приду.

Девочка посмотрела на меня ещё раз — с обычным детским любопытством, без настороженности. Потом прижалась к ноге матери. Я почему-то улыбнулась ей.

— Привет.

— Привет, — серьёзно ответила она.

Ничего страшного всё ещё не происходило. У Саши мог быть кто угодно. Помощница по дому. Сотрудница.

Знакомая, приехавшая с ребёнком. За четыре года я пропустила тысячи обычных вещей, и вот сейчас одна из них просто стояла передо мной босиком. Только эти маленькие сапоги под скамьёй почему-то не давали покоя. Они стояли там слишком естественно.

Не как обувь гостей. Сверху послышались шаги. Я подняла голову.

Саша появился на лестнице. Он был в тёмных брюках и белой рубашке без галстука, рукава закатаны до локтей. Волосы чуть длиннее, чем на последнем свидании. В руках телефон. Я успела заметить всё это за секунду. А потом он увидел меня.

И испугался. Не удивился. Именно испугался.

Это мелькнуло на лице слишком быстро, чтобы я успела поймать мысль. Глаза расширились, губы чуть разомкнулись, плечи напряглись. Через мгновение выражение исчезло.

— Ева?

Я рассмеялась от нервов и облегчения одновременно.

— Сюрприз.

Он не засмеялся. Я ждала именно этого всю дорогу — его смеха, ругани за то, что я не предупредила, какого-нибудь дурацкого «ты вообще нормальная?». Вместо этого Саша быстро спустился по ступенькам.

— Ты… Почему ты ничего не сказала?

— Потому что тогда это был бы очень плохой сюрприз.

Он остановился передо мной, будто всё ещё проверял, настоящая ли я. Потом обнял. Я закрыла глаза.

На секунду исчезли женщина, ребёнок, чужие куртки, розовые сапожки. Остался его одеколон, тёплая ладонь на моей спине и ощущение, которое я помнила гораздо лучше, чем хотела себе признавать. Домой.

Вот оно. Я сама прижалась к нему сильнее.

— Ты вышла сегодня? — спросил он у меня над ухом.

— Часа полтора назад.

Он отстранился.

— Но мне никто не сказал.

— В этом и была идея.

— Ев…

Он посмотрел мимо меня. Я тоже повернулась. Женщина стояла возле лестницы, положив руку на плечо девочки. Теперь никто из них не выглядел случайным гостем.

— Саш, — тихо сказала она.

Всего одно слово. Но сказала она его так, как могла сказать только женщина, которой не нужно уточнять, имеет ли она право вмешаться. Саша провёл ладонью по лицу.

— Давай пройдём.

— Куда?

— В гостиную. Поговорим спокойно.

Спокойно. Слово зацепило чем-то неприятным, но я не успела понять чем.

— А что случилось?

— Ничего. Просто… не в прихожей же.

Я посмотрела на женщину.

— Простите, я даже не спросила, как вас зовут.

Она снова перевела взгляд на Сашу, будто разрешение отвечать должен был дать он.

— Кира.

— Кира, — повторила я.

Имя ничего мне не сказало. Саша двинулся к гостиной. Я пошла за ним. И с каждым шагом дом становился всё менее моим.

Диван был другой. Светлее. Наш старый кожаный Саша ненавидел и много лет обещал заменить, но мы всё никак не могли выбрать новый. На журнальном столике лежала детская книжка.

На подоконнике стояло растение в жёлтом горшке. На стене вместо фотографии с нашей свадьбы висели три небольших постера. Я остановилась.

Свадебной фотографии не было. Она раньше стояла на узкой консоли у стены. Большая, в серебряной рамке. Я в простом белом платье, Саша смеётся, потому что фотограф в очередной раз велел ему «смотреть нежнее», а он шепнул мне какую-то пошлость. Теперь на консоли стояла фотография Мии.

Только Мии. Я посмотрела на Сашу.

— Ты сделал ремонт?

Не знаю, почему спросила именно это. Он моргнул.

— Немного.

— Красиво.

— Ева…

— А где наши фотографии?

Повисла пауза. Кира осталась у входа в гостиную. Девочка всё ещё была рядом с ней. Саша смотрел на меня и молчал. Я всё ещё стояла в пальто, с пакетом в руке, и вдруг почувствовала, как сильно здесь натоплено.

— Кто она? — спросила я.

— Кира.

— Я уже знаю, как её зовут.

Он молчал.

— Кто она, Саш?

Девочка вдруг вывернулась из-под маминой руки и побежала к нему.

— Пап, смотри!

Она протянула ему маленького пластикового динозавра. В комнате стало очень тихо. Саша машинально взял игрушку. Я смотрела на его руку.

На динозавра. Потом на девочку. Слово дошло до меня не сразу.

Пап. Может быть, дети иногда так называют… Нет.

Я подняла глаза на Сашу. Он уже не пытался улыбаться.

— Ева, давай сядем.

— Нет.

— Пожалуйста.

— Она назвала тебя папой.

Кира наклонилась к дочери.

— Мия, пойдём со мной.

— Я хочу к папе.

— Сейчас.

Саша отдал девочке игрушку и присел перед ней.

— Иди с мамой. Я скоро приду.

Так естественно. Без паузы. Без неловкости.

Как человек, который говорил эти слова тысячу раз. Мия недовольно надулась, но дала Кире взять себя за руку. Перед тем как уйти, снова посмотрела на меня. Я вдруг заметила, что у неё серые глаза.

Как у Саши. Кира остановилась у двери.

— Я не знала, что вы сегодня приедете, — сказала она.

Саша резко повернул к ней голову.

— Кир.

— Что? Это правда.

Я посмотрела сначала на неё, потом на него.

— Вы знали, кто я?

Кира не ответила сразу.

— Да.

— Понятно.

Хотя мне ничего не было понятно. Она увела Мию наверх. Я слушала детские шаги на лестнице, пока они не исчезли. Потом остались только мы с Сашей.

Как я и хотела. Наконец-то. Только теперь я не знала, зачем ехала.

— Это твоя дочь?

Он вздохнул. Не тяжело. Не виновато. Скорее как человек, который понимает, что неприятный разговор всё-таки придётся начать.

— Да.

Я кивнула.

— Сколько ей?

— Ев…

— Сколько?

— Три.

В голове сразу началась арифметика. Четыре года. Мие три.

Беременность ещё девять месяцев. Я знала эти цифры. Они были простыми. Настолько простыми, что мозг почему-то отказывался складывать их вместе.

Я посмотрела на девочку, исчезнувшую за дверью, и снова на него.

— Когда она родилась, ты всё ещё говорил, что ждёшь меня домой.

Александр опустил глаза. Я больше не стала спрашивать про день рождения.

Я вспомнила свидание примерно через год после приговора. Саша привёз документы, рассказывал что-то про работу и долго ругался на пробки. Я тогда спросила, не устал ли он ездить. Он сжал мои пальцы и сказал: «Ты серьёзно думаешь, что я перестану?» Где в тот момент была Кира? Беременна? С Мией на руках?

— Ты приезжал ко мне, когда она была беременна?

Саша кивнул. Я вспомнила его руку на столе для свиданий, край принесённой мне книги, короткую царапину на подбородке. Он тогда долго рассказывал, как на стройке сломался подъёмник.

— И говорил, что ждёшь меня.

— Я не знал, как сказать тебе про неё там. Ты бы осталась с этим одна, до следующего звонка.

— И ты решил не говорить, пока я не выйду?

Он посмотрел на лестницу. Я тоже посмотрела. Наверху только что закрылась дверь, и теперь было тихо.

— Я собирался сказать сам, — произнёс он. — Мне говорили, решение по УДО может затянуться. Я думал, есть время.

— На что? Развести нас по разным комнатам?

— Не надо. Я понимаю, как ты это видишь.

Я взяла пакет за ручки, но не подняла. Пластик прилип к пальцам.

— Ты ей говорил, что мы разведёмся?

— Мы четыре года не жили вместе, Ев.

— Я знаю, где я была. Можешь не напоминать.

Он подошёл. Я отступила, и он остановился возле края дивана.

— Я приезжал. Звонил, занимался защитой, компанией. Я не уходил из твоей жизни.

— Ты каждую неделю говорил, что любишь меня.

— Я люблю тебя.

Верхний угол его воротника снова загнулся. Я смотрела на него, потому что смотреть Саше в лицо уже не могла.

— Тогда почему я узнаю про твою дочь от неё самой?

Он не ответил. Из-за двери наверху донёсся голос Мии, Кира сказала ей что-то тихо. Саша повернул голову на этот звук раньше, чем успел удержаться.

— Почему ты не развёлся? — спросила я.

— Прислать бумаги в колонию? После приговора?

— Можно было хотя бы перестать строить со мной планы.

— Я не хотел тебя бросать.

Он сказал это убеждённо, почти с упрёком. Я помнила, как сама повторяла те же слова, когда кто-нибудь спрашивал о нём: не бросил. За это я готова была не замечать, как редко мы говорили о том, что будет дальше.

Саша провёл ладонью по спинке нового дивана.

— Я здесь жил. Содержал этот дом, занимался компанией, решал всё, пока тебя не было. Не собирался заводить другую семью. Но всё…

Он оборвал фразу.

— Ты сейчас после дороги, не спала. Давай я хотя бы налью тебе воды.

Я почти согласилась. Рот пересох, от серого пакета болели пальцы. Хотелось сесть, позволить ему принести стакан и ещё минуту не двигаться.

— Я хочу уйти.

— Куда?

Вопрос прозвучал мгновенно. Не «почему». Не «пожалуйста, останься».

Куда. Как будто у меня должен был быть утверждённый маршрут. Я подняла пакет.

— Не знаю.

— Ева, не веди себя как ребёнок. У тебя даже вещей нормальных нет.

Я посмотрела на серый пластик в руке.

— Заметила.

— Останься хотя бы сегодня. Я найду отель Кире с Мией.

Наверху что-то стукнуло, потом раздался детский смех. Я представила, как Кира собирает вещи своей дочери, потому что законная жена неожиданно вышла из тюрьмы и решила вернуть себе спальню. Нет.

Даже в голове это выглядело мерзко.

— Не надо их никуда отправлять.

— Тогда я сниму номер тебе.

— Тоже не надо.

— У тебя есть деньги?

Я замерла. Саша сразу смягчил голос.

— Я не в этом смысле. Просто ты вышла сегодня. Тебе нужны наличные, карта, нормальный телефон, одежда. Я всё дам.

Я посмотрела на него.

— У меня нормальный телефон.

Он едва заметно нахмурился, будто ответ был не по теме.

— Ев, перестань. Я пытаюсь решить практические вещи.

— Как-нибудь потом.

— Когда потом?

— Когда я буду готова.

Он хотел возразить, но я уже пошла в прихожую. За спиной послышались его шаги.

— Дай хотя бы отвезу тебя.

— Нет.

— Тогда вызову машину.

— Я сама умею вызывать такси.

Прозвучало резче, чем нужно. Саша остановился. Я надела куртку. На крючке рядом висело короткое бежевое пальто Киры. К его рукаву была прицеплена маленькая блестящая заколка в форме звезды.

Я отвела взгляд.

— Ева.

Рука уже лежала на дверной ручке.

— Что?

— Я действительно рад, что ты вышла.

Я закрыла глаза на секунду. Почему-то именно это было самым жестоким за весь разговор. Потому что я верила, что он говорит правду. Он действительно мог быть рад. И одновременно три года укладывать спать свою дочь в моём доме.

— Хорошо, — сказала я.

— Позвони мне, когда успокоишься.

Я открыла дверь. На улице стало холоднее или мне так показалось.

— Ев.

Я обернулась. Саша стоял в прихожей, на фоне чужих курток, маленьких сапог и корзины. Всё это удивительно ему подходило.

— Не принимай сегодня никаких решений, ладно?

Я смотрела на него несколько секунд.

— Я уже одно приняла.

— Какое?

— Уйти.

Я закрыла дверь.

На этот раз с другой стороны. Спустилась по ступенькам и только у ворот поняла, что иду слишком быстро. Остановилась. Серый пакет бил по ноге. В груди было пусто — не больно, не страшно, просто пусто, будто внутри внезапно стало намного больше места, чем должно быть.

Дом стоял за спиной. Тот же самый, который несколько минут назад показался мне единственной вещью в жизни, оставшейся на месте. Я достала телефон.

На экране было сообщение от Леры. «Ну?» Я нажала на её имя и позвонила. Она ответила после первого гудка.

— Ты чего так быстро? Уже увиделись?

Я посмотрела на окна второго этажа. За одним из них мелькнула маленькая фигура.

— Лер.

Она сразу перестала шутить.

— Что случилось?

Я попыталась ответить и поняла, что не знаю, с чего начать. С женщины у двери? С трёхлетней девочки? С того, что мой муж одновременно ждал меня и не ждал?

— Ты можешь меня забрать?

— Конечно. Где ты?

Я снова посмотрела на дом.

— Дома.

Слово застряло во рту. Я поправила ручки пакета и пошла к дороге.

— То есть уже нет.

Глава 3

Лера приехала через двадцать три минуты. Я знала это точно, потому что всё это время смотрела на часы. Не на дом. Не на окна второго этажа.

На маленькие цифры в углу экрана, которые менялись слишком медленно. Первые несколько минут я стояла у дороги. Потом поняла, что мёрзну, и отошла к остановке. Села на металлическую скамейку, поставила серый пакет между ног и уставилась на проезжающие машины.

Мне хотелось плакать. По крайней мере, так было бы логично. Женщина выходит из тюрьмы, приезжает к мужу и обнаруживает в своём доме другую женщину и трёхлетнего ребёнка. Здесь полагались слёзы, истерика, хотя бы дрожащие руки.

Но я ничего не чувствовала.

Только периодически вспоминала розовые сапоги у двери. И маленькую заколку-звезду на рукаве Кириного пальто. Мозг почему-то выбрал именно эти детали и таскал их по кругу, словно всё остальное пока было слишком большим. Лерина машина остановилась передо мной так резко, что водитель сзади посигналил. Она даже не отреагировала. Выскочила, обошла капот и замерла в двух шагах.

— Привет, — сказала я.

На её лице что-то сломалось.

— Господи, Ева.

Она обняла меня раньше, чем я успела решить, хочу этого или нет. Сильно, обеими руками, уткнувшись лицом мне в плечо. От неё пахло духами, холодным воздухом и чем-то сладким, кажется, жвачкой. Я стояла, прижав руки к бокам. Через секунду всё-таки обняла её в ответ.

— Ты похудела, — пробормотала Лера.

— Ты тоже.

— Врунишка.

Она отстранилась, быстро провела ладонью под глазом и сразу нахмурилась, будто сама на себя разозлилась за эту секунду слабости.

— Садись. Тут холод собачий. Пакет давай.

Я автоматически прижала его к себе. Лера заметила движение, но ничего не сказала.

— Ладно. Сама так сама.

Я села на пассажирское сиденье. В машине было жарко. Настолько, что через минуту начало клонить в сон. Лера убавила печку, посмотрела на меня и снова перевела взгляд на дорогу.

— Куда?

— К тебе можно?

— Ты ещё спрашиваешь?

Она тронулась с места. Несколько минут мы ехали молча. Лера явно ждала, что я начну сама. Я была ей за это благодарна.

— У него ребёнок, — сказала я наконец.

Машина чуть дёрнулась в полосе. Лера быстро посмотрела на меня.

— Что?

— Дочь.

— У Саши?

Я кивнула и повернулась к окну. В стекле отразилось Лерино лицо; она уже поняла.

— Сколько ей?

— Три.

Лера сжала руль. Я увидела, как побелели костяшки её пальцев.

— Ты знала?

— Нет.

Ответ был слишком быстрым, но не потому, что она врала. Просто испугалась самого вопроса. Я отвернулась к окну.

— Я не знала, Ев. Клянусь.

— Хорошо.

— Я знала, что у него кто-то есть.

Я повернулась. Лера закрыла глаза на секунду и тихо выругалась.

— Вот теперь звучит так, будто я только что сама себе вырыла могилу.

— Кто-то есть?

— Я не знала кто. И не знала про ребёнка. Я вообще не была уверена. Мне пару раз казалось... Слушай, я не хотела приносить тебе туда слухи. Особенно если это просто слухи.

— Когда?

— Что когда?

— Когда тебе стало казаться?

Лера помолчала.

— Где-то два года назад.

Я кивнула. Два года назад Мие уже был примерно год. В тот момент Александр приезжал ко мне каждые два-три месяца. Иногда пропускал месяц, если были дела в компании, командировки, стройки. Он всегда объяснял. И я всегда понимала.

— Почему ты мне не сказала?

— Потому что ты сидела, Ева.

— Это я помню.

— И потому что я не знала. Я видела его один раз с женщиной в ресторане. Один раз. Они сидели напротив друг друга, не целовались, не держались за руки. Я могла прийти к тебе и сказать: «Привет, возможно, твой муж тебе изменяет». И что дальше? Ты бы что сделала?

— Не знаю.

— Вот и я не знала.

Я снова отвернулась к окну. Злость не пришла. Наверное, для неё тоже было рано.

— Как она выглядит? — спросила Лера.

— Нормально.

Лера взялась за поворотник и подождала, пока я продолжу.

— Молодая. Примерно нашего возраста. Светлые волосы. Красивая, наверное.

Я вспомнила Киру у двери: босые ноги, домашние брюки, рука на детском плече. Она не была подготовлена к встрече со мной. Не успела ни поправить волосы, ни надеть правильное лицо.

И всё равно выглядела так, будто принадлежала этому дому. Я — нет.

— Он сказал, что любит её?

— Я не спрашивала.

— Правильно.

— Не знаю, правильно ли.

— Сегодня тебе вообще необязательно делать что-то правильно.

Я усмехнулась.

— Кажется, это сегодня главная тема.

Лера ничего не ответила. Её квартира оказалась на шестом этаже нового дома, где я раньше никогда не была. Когда-то она снимала маленькую однушку ближе к центру. Я бывала там сотню раз.

Знала, какая кружка треснута, где лежит запасной ключ и что кран в ванной нужно закрывать сильнее, иначе капает. Теперь у неё была другая дверь, другой лифт и коврик с надписью «Come in» перед квартирой, которую я видела впервые. Четыре года прошли не только у меня.

— Я переехала прошлой весной, — сказала Лера, словно прочитала мои мысли. — Тут работа ближе.

— Красиво.

— Ты ещё внутри не была.

— Я про коврик.

Она фыркнула и открыла дверь. В квартире пахло стиральным порошком и кошкой.

— У тебя кошка?

Из коридора на нас посмотрело огромное серое существо с жёлтыми глазами.

— Это Борис.

— Ты завела кота и назвала его Борисом?

— Он был уже с именем. Я решила не травмировать взрослого мужчину сменой имени.

Кот обнюхал мой ботинок, признал меня неинтересной и ушёл. Я неожиданно засмеялась. Смех получился коротким и каким-то ржавым, но настоящим. Лера посмотрела на меня и тоже улыбнулась.

— Вот. Уже лучше.

— Не начинай.

— Молчу.

Она показала ванную, выдала чистое полотенце и новую зубную щётку из упаковки.

— Одежду найдём. Мы примерно одного размера.

— Были.

— Иди мойся.

Я закрыла дверь и повернула защёлку. Щелчок заставил меня замереть. Я посмотрела на замок. Потом ещё раз дёрнула ручку. Закрыто.

Но теперь это было потому, что я сама так решила. Я разделась медленно, сложила одежду на стиральную машину и встала под душ. Горячая вода ударила по плечам. В первые секунды я просто стояла. Потом сделала горячее.

Ещё. Кожа быстро покраснела, но я не убавляла. Никто не торопил. Не было очереди.

Никто не стучал. Можно было стоять сколько угодно. Я закрыла глаза. И именно тогда меня наконец накрыло.

Не картинкой Киры. Не Мией. Голосом Саши. «Я действительно рад, что ты вышла».

Я прижала ладонь ко рту. Слёзы смешивались с водой, и это было даже удобно. Не нужно было вытирать лицо, дышать красиво, делать вид, что я справляюсь. Он был рад.

Я почему-то верила в это больше, чем во всё остальное. И от этого становилось хуже. Человек мог приезжать ко мне, держать мои руки, спрашивать, что мне привезти, помнить дату заседания по УДО — и одновременно возвращаться домой к другой женщине и ребёнку.

Я не знала, что с этим делать. Когда я вышла, зеркало запотело. Я вытерла его ладонью и посмотрела на себя. Глаза опухли. Прекрасно.

В первый день свободы я уже умудрилась выглядеть хуже, чем утром. Лера оставила на стиральной машине чёрные спортивные брюки и толстовку. Я переоделась и вышла. На кухонном столе стояли тарелка с пастой, сыр, хлеб, чай и ещё что-то, чего хватило бы накормить небольшую строительную бригаду.

Я села. Сначала не хотела есть. Потом попробовала одну вилку и поняла, что голодна так, будто не ела сутки. Лера не смотрела, как быстро я ем.

Рассказывала какую-то историю про коллегу, который умудрился отправить рабочий файл не тому клиенту. История была не особенно смешной, и я понимала, зачем она это делает. Мне было хорошо от того, что можно слушать человека и не обсуждать свою жизнь каждую

секунду. Когда тарелка опустела, я отодвинула её и впервые за весь день почувствовала тяжесть в теле.

Не пустоту. Просто усталость.

Я подключила телефон к розетке и машинально открыла банковское приложение. Оно попросило войти заново. Пароль я не помнила. Пришлось восстанавливать доступ через номер телефона, потом подтверждать личность.

Я раздражалась на каждый экран так, будто приложение специально придумали сегодня, чтобы издеваться именно надо мной. Наконец появился счёт. Я несколько секунд смотрела на цифры. Потом обновила экран.

Сумма не изменилась. Лера перестала убирать со стола.

— Покажи.

Я развернула телефон к ней. Она наклонилась.

— Это всё?

— Видимо.

Денег было достаточно, чтобы прожить какое-то время, если не снимать дорогую квартиру, не покупать половину гардероба и вообще вести себя очень скромно. Но это были не те деньги, которые я ожидала увидеть. Даже близко.

— Может, у тебя другой счёт?

— Был ещё один.

Я переключилась. На втором оказалось ещё меньше. Лера присвистнула.

— А компания?

— Что компания?

— Ну... дивиденды. Зарплата. Я не знаю, как у богатых людей принято.

— Я не богатый человек.

Она посмотрела на меня.

— Ев, тебе принадлежит строительная компания.

— И четыре года назад мне принадлежал дом, в котором сейчас живёт трёхлетний ребёнок.

Я снова посмотрела на цифры. До ареста финансовыми вопросами я почти не занималась. Отец занимался компанией. Потом Саша.

У меня была карта, деньги появлялись, счета оплачивались. После смерти папы я должна была влезть в дела серьёзнее. Должна была. Но именно тогда всё начало рассыпаться.

Бессонница. Таблетки. Ссоры. Ощущение, что я постоянно что-то забываю.

Потом Карпов. Отель. Суд. Компания стала последним, о чём я могла думать.

Саша говорил, что всё возьмёт на себя. Я позволила.

— Он управлял всем, пока ты сидела? — спросила Лера.

— Да.

— У него доверенность?

— Была. Наверное, есть.

— Ты не знаешь?

Я подняла на неё взгляд.

— Я четыре года сидела, Лер. Мне как-то не приходило в голову спрашивать, продлил ли муж доверенность на подпись договоров.

Она сразу отступила.

— Я не наезжаю.

— Я знаю.

— Просто это странно.

— Что именно?

— Что у тебя так мало денег.

Я посмотрела на экран ещё раз. Странно. Да.

Но слово почему-то раздражало.

— Может, он переводил их куда-то ещё.

— Может.

— Позвони ему.

Я резко подняла голову. Лера подняла ладони.

— Ладно. Не звони.

— Я не хочу сейчас слышать его голос.

— Понимаю.

— И не хочу, чтобы он опять что-нибудь объяснил так, что через пять минут я буду чувствовать себя идиоткой за то, что вообще спросила.

Лера замолчала. Я тоже. Слова прозвучали слишком знакомо. Я уставилась в телефон.

— Он всегда так делал? — осторожно спросила она.

— Как?

— Объяснял тебе, почему ты не права.

— Все люди иногда объясняют друг другу, почему они не правы.

— Я не про это.

— Я тоже не хочу сейчас про это.

Лера кивнула.

— Хорошо.

Она убрала тарелки. Я осталась за столом и снова открыла банковское приложение. Последние операции были обычными. Автоматические списания, какие-то переводы, обслуживание карты.

Часть истории была недоступна так далеко назад. Ничего очевидного. Никакой строки «ваш муж забрал всё». Почему-то это даже разочаровало.

Мне хотелось чего-нибудь простого. Измена — Кира. Ребёнок — Мия. Нет денег — вот конкретный перевод, вот человек, который их взял.

Но жизнь не обязана была быть понятной только потому, что я наконец вышла. Ближе к полуночи Лера постелила мне в гостевой комнате.

— Если хочешь, дверь закрывается, — сказала она.

Я посмотрела на неё. Она сразу смутилась.

— Я не поэтому. Просто... ну, мало ли.

— Я поняла.

— Борис умеет открывать лапой, если не закрыть.

— Очень веская причина.

— Он уже одного моего гостя с кровати согнал.

Я улыбнулась. Лера задержалась в дверях.

— Если что — я рядом.

— Спасибо.

Она ушла. Я закрыла дверь. Не на замок. Потом легла.

Кровать была мягкой. Слишком мягкой. Простыни пахли кондиционером. За окном шумели машины, иногда сверху кто-то проходил по квартире, где-то далеко хлопнула дверь.

Обычный дом. Обычная ночь. Спать не получалось. Я взяла телефон.

Экран показал 00:43. Первый день свободы закончился. Я открыла календарь. Три года.

Мия. Если ей недавно исполнилось три, Кира забеременела примерно три года и девять месяцев назад. Если день рождения был давно — почти четыре. Я начала считать назад.

Сначала просто в голове. Потом открыла заметки. Это было глупо. Я знала.

Но мне нужны были даты. За четыре года свидания с Сашей превратились в вехи. Я не помнила число каждого, зато помнила события вокруг. То свидание после Нового года, когда

он привёз фотографии дома и сказал, что на кухне наконец поменяли кран. Весеннее, когда у него была царапина на подбородке и он уверял, что задел ветку на стройке.

Летнее, когда я спросила, не устал ли он ездить ко мне. Он тогда нахмурился. «Не начинай». Я сказала, что серьёзно.

Что четыре года — это долго. Что он ещё молодой. Что я пойму, если однажды он скажет, что больше не может. Саша посмотрел на меня так, будто я предложила ему бросить ребёнка на вокзале.

«Я твой муж». Всего три слова. Я после них всю неделю ходила и улыбалась.

Теперь я пыталась понять, была ли Кира в тот момент уже беременна. Возможно. Или Мия уже родилась. Я положила телефон на кровать.

Сердце билось спокойно. Это удивляло. Я думала, что сейчас станет больно. Но внутри была только какая-то сухая ясность.

Он приезжал. Он говорил, что ждёт. Потом возвращался к ним.

Днём мог сидеть напротив меня и обсуждать, что мы сделаем, когда я выйду. Вечером — читать дочери книжку. Или вставать ночью, когда она плакала. Или держать Киру за руку на УЗИ. Я не знала. И всё же мне хотелось защитить хотя бы часть того, что было между нами.

— Он хотя бы приезжал, — сказала я в темноту.

Фраза прозвучала жалко. Но я повторила мысленно. Он приезжал.

Многие не приезжали. Я видела женщин, которым сначала было кому звонить каждый день, потом раз в неделю, потом переставали отвечать совсем. Саша не исчез. Даже если теперь я не понимала зачем.

Я перевернулась на другой бок. Сон не приходил. Примерно через полчаса дверь тихо скрипнула. Я напряглась.

На пороге появилась Лера.

— Не спишь?

— А ты?

— Воды хотела. Увидела свет.

Она вошла и села на край кровати.

— Можно спросить?

— Ты всё равно спросишь.

— Наверное.

Она потерла ладони.

— Ты правда думаешь, что Саша ждал тебя?

Я посмотрела на неё.

— До сегодняшнего дня — да.

— А теперь?

— Теперь у него трёхлетняя дочь.

— Я не про измену.

Мне не понравилось, как она это сказала.

— А про что?

Лера отвела взгляд.

— Про всё остальное.

В комнате стало очень тихо.

— Говори нормально.

— Я просто... Ев, на суде было много всего.

Я медленно села.

— И?

— И иногда я не понимала, чему верить.

Вот оно. Четыре года прошло, а одна фраза всё ещё умела вернуть меня в тот зал.

Карпов. Фотографии. Переводы. Сообщения, которые я не помнила.

Прокурор, который задавал один и тот же вопрос разными словами. Саша рядом. Лера за моей спиной.

— Ты думала, что я вру?

— Нет.

Она закрыла глаза.

— Я думала, что ты сама можешь не понимать, что произошло.

Я рассмеялась. Тихо. Без веселья.

— Отлично.

— Ева...

— Нет, всё нормально. Даже удобно. Саша думал примерно так же.

— Я не сказала, что ты сумасшедшая.

— Никто никогда так не говорил.

Лера опустила глаза. Я уже открыла рот, чтобы забрать слова обратно, но не смогла: мы всё равно обе их слышали.

— Прости, — сказала она.

— За что?

— За то, что сомневалась.

Я подтянула колени к груди.

— Все сомневались.

— Я не все.

— Нет. Ты Лера.

Она кивнула.

— Поэтому и хуже.

Мы сидели молча. Потом она тихо сказала:

— Я рада, что ты вышла.

Не «я знала, что ты невиновна». Не «я всегда тебе верила». Просто рада, что я вышла. Странно, но именно поэтому я ей поверила.

— Я тоже, — сказала я.

Лера посмотрела на меня.

— Что будешь делать завтра?

Я вспомнила цифры в банковском приложении. Сашино «у тебя есть деньги?» Его предложение всё дать. И собственное раздражение от того, насколько легко было бы согласиться.

— Поеду в компанию.

— К Саше?

— В компанию.

Я произнесла это медленно, разделяя две вещи, которые слишком долго считала одним целым. «Лавров Девелопмент» принадлежал мне. По крайней мере, так было написано во всех документах, которые я когда-то подписывала почти не читая. Мне нужны были деньги.

Нужны были документы. И впервые за очень долгое время мне хотелось самой понять, что у меня вообще осталось. Лера встала.

— Хочешь, поеду с тобой?

— Нет.

Она открыла рот.

— Даже не начинай.

— Я просто спросила.

Я легла обратно. Лера выключила верхний свет и оставила только маленькую лампу у кровати.

— Спокойной ночи.

— Лер.

Она обернулась.

— Спасибо, что приехала.

— Я бы всё равно приехала.

Когда дверь закрылась, я ещё долго смотрела в потолок. Завтра мне предстояло вернуться в место, которое когда-то принадлежало отцу. Я не собиралась устраивать проверку. Не собиралась искать заговор. Мне просто хотелось увидеть собственные счета и понять, почему у женщины, которой принадлежит строительная компания, денег хватит в лучшем случае на несколько месяцев обычной жизни.

Этого пока было достаточно.

Глава 4

Утром я проснулась раньше будильника. Несколько секунд лежала неподвижно и смотрела в потолок Лериной гостевой комнаты, не понимая, где нахожусь. Потом всё вернулось сразу: Кира в дверях, маленькая девочка, Александр, его «я не хотел, чтобы ты там осталась одна». Я закрыла глаза.

Лучше не стало. Телефон лежал на стуле рядом с кроватью. Вчера я поставила его туда специально, чтобы не тянуться к нему каждые пять минут. За ночь ничего важного не произошло.

Лера прислала около двух сообщение из кухни: «Если не спишь — у меня есть мороженое». Я не ответила. От Александра ничего не было.

Это почему-то задело сильнее, чем если бы он написал десять раз. Я села, нащупала носками холодный пол и снова открыла банковское приложение. Сумма не изменилась. Смешно, что я проверила.

Будто деньги могли за ночь вспомнить, кому принадлежат, и вернуться. До суда я почти не следила за счетами. Деньги приходили вовремя, и я редко смотрела дальше последней операции. Я работала, отец переводил мне дивиденды, Александр занимался всем остальным.

Если нужно было купить билеты — покупала. Если хотелось новую сумку — могла позволить себе новую сумку.

А теперь на экране была сумма, которую я могла заработать за несколько месяцев нормальной работы тренером. Не умереть с голоду — хватит. Жить так, как я жила раньше, — смешно даже обсуждать. Я положила телефон обратно.

— Ты уже встала? — раздалось из коридора.

— Да.

— Кофе делать?

— Делай.

Через десять минут я сидела на Лериной кухне в её толстовке и смотрела, как она размазывает ножом творожный сыр по хлебу.

— Ты сегодня никуда не обязана ехать, — сказала она.

— Знаю.

— Это не звучало как «знаю». Это звучало как «сейчас я всё равно сделаю наоборот».

— Я поеду в офис.

Лера замерла с ножом в руке.

— Сегодня?

— А когда?

— Не знаю. Через неделю. Через два дня хотя бы. Ты вчера вышла.

— И что?

Она посмотрела на меня тем взглядом, который раньше означал: сейчас начнётся лекция. Потом, видимо, вспомнила собственное обещание не читать мне лекций первые сутки и просто положила нож на стол.

— Ев, ты можешь хотя бы один день ничего не решать.

Я сделала глоток кофе.

— Мне нужны деньги.

— Я дам.

— Не нужны мне твои деньги.

— Они не заразные.

— Лер.

— Хорошо. Молчу.

Она действительно замолчала, но ненадолго.

— Ты хотя бы понимаешь, что хочешь там узнать?

Я подумала.

— Почему у меня почти пустой счёт.

— И всё?

— Для начала.

Лера прислонилась к столешнице.

— А если он скажет что-нибудь разумное?

— Тогда будет разумное объяснение.

— А если нет?

Я пожала плечами.

— Тогда у меня будет ещё один вопрос.

Она смотрела на меня несколько секунд, потом кивнула.

— Ладно. Только не позволяй ему решить за тебя, что ты устала.

Я усмехнулась.

— Ты уже говоришь как психолог из интернета.

— Я говорю как человек, который видел тебя вчера вечером.

Лера протянула мне бутерброд. Я взяла его, хотя ещё минуту назад собиралась отказаться от завтрака. За окном прибирали двор, и я всё смотрела на часы: боялась, что останусь здесь до обеда, если сейчас начну объяснять, зачем мне ехать.

* * *

«Лавров Девелопмент» занимал три верхних этажа стеклянного бизнес-центра, построенного уже после смерти отца. Старый офис находился в другом месте — в сером четырёхэтажном здании, где лестница пахла пылью, а из окна отцовского кабинета было видно крышу шиномонтажа. Этот офис я видела только на фотографиях. Александр присылал их, когда компания переезжала.

Панорамные окна, переговорные с матовыми стенами, большая белая стойка ресепшена и логотип на стене — тёмные буквы, тонкая золотая линия под названием. Красиво. Без меня. Я остановилась перед турникетами и только тогда поняла, что не знаю, как попасть внутрь.

Раньше я просто входила. Охранник поднял голову.

— Девушка, вам куда?

— В «Лавров Девелопмент».

— Встреча назначена?

Вопрос был нормальным. Совершенно нормальным. Я всё равно несколько секунд молчала.

— Нет.

— Тогда документ, пожалуйста. Оформим пропуск.

Я достала паспорт. Он посмотрел сначала на него, потом на меня.

— Лаврова?

— Да.

Ещё одна пауза.

— Одну минуту.

Он кому-то позвонил. Я отвернулась к окну, потому что внезапно стало неловко стоять и слушать, как незнакомый мужчина выясняет, можно ли пустить меня в компанию с моей фамилией на фасаде.

— Проходите, — сказал он через минуту. — Двадцать восьмой этаж.

— Спасибо.

В лифте я посмотрела на своё отражение в металлической панели. Лера одолжила мне брюки и рубашку. Сидели они почти нормально, если не смотреть слишком внимательно. Волосы я собрала.

Макияж сделала сама и уже не выглядела человеком, который вчера вышел из колонии с серым пакетом. По крайней мере, мне так хотелось думать. Двери лифта открылись. Первым я увидела логотип.

«ЛАВРОВ ДЕВЕЛОПМЕНТ». Моя фамилия. Я почему-то вспомнила отца. Не его лицо даже, а руки.

Он всегда снимал часы, когда садился есть, и клал их справа от тарелки. Большие тяжёлые часы на металлическом браслете. В детстве я примеряла их.

— Здравствуйте, — сказала девушка за стойкой.

Я повернулась. Ей было лет двадцать пять. Аккуратный пиджак, идеальный хвост.

— Здравствуйте. Мне нужен Александр Лавров.

— Представьтесь, пожалуйста.

— Ева Лаврова.

Улыбка исчезла на долю секунды, потом вернулась. Она знала имя. Не меня — имя.

— Одну минуту, Ева… Викторовна?

— Да.

Она кому-то написала, потом предложила присесть. Я не села. За стеклянными стенами двигались люди. Кто-то нёс ноутбук, кто-то разговаривал по телефону, двое мужчин спорили над макетом жилого комплекса.

На стене висели фотографии построенных домов. Я узнала только один. Остальные появились без меня. Через несколько минут из коридора вышла женщина лет пятидесяти.

Я узнала её сразу.

— Оля?

Она остановилась.

— Ева?

Ольга Сергеевна работала у отца ещё тогда, когда «Лавров Девелопмент» назывался просто строительной компанией «Лавров». Она вела финансы, ругалась на всех за потерянные чеки и однажды выгнала меня из бухгалтерии за то, что я поставила чашку кофе на папку с договорами. Она подошла и неожиданно обняла меня. Я замерла на секунду, потом тоже обняла.

— Господи, девочка, — тихо сказала она. — Я не знала, что ты сегодня придёшь.

— Я тоже утром не знала.

Она отступила, посмотрела на меня внимательно, но ничего не спросила. За это я сразу была ей благодарна.

— Александр у себя. Ему уже сказали.

— Конечно.

— Хочешь сначала ко мне? Кофе? Воды?

— Нет. Спасибо. Я к нему.

Ольга Сергеевна кивнула.

— Потом зайди.

Это прозвучало почти как раньше. Я улыбнулась.

— Зайду.

До кабинета Александра было метров тридцать. Пока я шла, меня узнали ещё двое. Один мужчина поздоровался слишком громко, женщина из юридического отдела, имя которой я не вспомнила, просто кивнула. Остальные смотрели с осторожным любопытством.

Наверное, я была местной знаменитостью. Дочь основателя. Осуждённая убийца. Жена генерального директора.

Интересно, в каком порядке они складывали эти слова. Дверь кабинета была открыта. Александр стоял у стола и говорил по телефону. Увидев меня, закончил разговор быстрее, чем собирался.

— Я перезвоню.

Положил телефон.

— Ев.

Вчера в доме он выглядел растерянным. Сегодня — нет. Тёмные брюки, белая рубашка, рукава закатаны до локтей. Никакого пиджака.

На столе ноутбук, бумаги, два телефона. На стене — большая схема проекта и фотография комплекса, который я не знала. Он выглядел так, будто я пришла к нему на работу. Что, собственно, и было правдой.

— Не ожидал тебя сегодня, — сказал он.

— А я тут.

Он помолчал.

— Как ты?

— Нормально.

— Ев…

— Давай не будем.

Александр слегка сжал губы, но кивнул.

— Хорошо. Что случилось?

Я чуть не рассмеялась.

— Я пришла в свою компанию, Саш. Обязательно должно было что-то случиться?

— Нет. Конечно, нет.

Он обошёл стол.

— Просто ты вчера вышла. Я думал, тебе понадобится время.

— Все сегодня очень переживают за моё время.

— Кто все?

— Неважно.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Ты ночевала у Леры?

Я почувствовала раздражение раньше, чем успела понять почему.

— Да.

— Могла хотя бы написать, что добралась.

— Зачем?

— Затем, что я волновался.

Я посмотрела на него. Можно было напомнить про Киру. Про дочь. Про четыре года. Спросить, насколько сильно он волновался, ложась ночью в нашу кровать с другой женщиной. Но я приехала не за этим.

— У меня вопрос про деньги.

Александр не изменился в лице.

— У меня на счетах гораздо меньше, чем я ожидала.

Я положила телефон на стол. Александр взглянул на экран, потом передвинул его, чтобы не бликовала лампа.

— Это старый личный счёт. Большую часть расходов мы вели через другие. Были адвокаты, налоги, дом. Дивиденды частично оставляли в компании.

— Кто решил их оставить?

— Я предлагал, ты соглашалась. Я подниму документы.

— Сейчас.

Он посмотрел на часы.

— Через двадцать минут у меня встреча. Здесь придётся собирать не один год, Ев. По одним банкам доступ восстановишь сама, по другим нужны старые доверенности. Давай Ольга всё подготовит.

— Ты можешь сказать хотя бы, сколько у меня осталось личных денег?

— Без выписок — нет. Не хочу назвать сумму, а потом опять объяснять, почему она отличается.

Это было похоже на заботу о точности. Только я сидела напротив с телефоном, а все выписки были у него.

— Мне надо где-то жить. Покупать еду и одежду.

— Скажи, сколько нужно на первое время. Сегодня переведу, с остальным спокойно разберёмся.

Я отвернулась к окну. В стекле отражались его стол, два телефона и я в чужой рубашке.

— Мне нужен доступ ко всему, что принадлежит мне, — сказала я.

— Получишь.

— Когда?

— Нужно поднять документы, поговорить с банками, восстановить часть подписей. Это не делается за утро.

— Почему я вообще должна что-то восстанавливать?

— Потому что четыре года ты физически не могла управлять активами.

— Но теперь могу.

— Конечно.

Слишком быстро. Слишком спокойно.

— Тогда начинай.

Александр подошёл ближе, но не коснулся меня.

— Ев, я, правда, не понимаю, зачем ты пытаешься превратить это в конфликт.

— Я не превращаю.

— Ты вчера вышла после четырёх лет. Вчера узнала про Киру. Ты не спала нормально. И сегодня с утра приехала сюда разбираться со счетами. Может быть, хотя бы несколько дней…

— Что?

Он замолчал.

— Договори.

— Просто отдохни.

Я посмотрела на дверь. Он всего лишь предложил отдохнуть, а мне уже хотелось встать и уйти, пока я опять не согласилась подождать.

— Я не устала.

— Я не сказал, что ты устала.

— Ты только что сказал «отдохни».

— Потому что это был тяжёлый день.

— Вчера.

— Хорошо. Вчера был тяжёлый день.

Он говорил тем же голосом, каким разговаривал со мной десятки раз раньше: не повышая тона, будто мы вместе пытались аккуратно распутать недоразумение, которое возникло исключительно из-за неудачно выбранных слов. И через несколько секунд я действительно поймала себя на мысли, что, возможно, придираюсь. Я вчера вышла. Вчера узнала про Киру.

Ночью почти не спала. Может быть, любой нормальный человек на его месте сказал бы то же самое. Отдохни. Мы разберёмся.

Не принимай решений сейчас. Что в этом плохого?

— Хорошо, — сказала я.

Александр чуть расслабился.

— Давай сделаем нормально. Сегодня я попрошу Ольгу собрать тебе полный список: счета, активы, доли, недвижимость, всё, что оформлено на тебя. Юристы подготовят документы по доступам. Завтра или послезавтра сядем и спокойно пройдёмся по каждому пункту.

— Я могу сделать это с Ольгой без тебя.

Пауза была очень короткой.

— Можешь.

— Тогда так и сделаю.

— Хорошо.

Он улыбнулся. Слабо, почти устало.

— Видишь? Мы даже умеем договариваться.

Я не улыбнулась. На стене за его столом висела фотография отца. Я заметила её только сейчас. Небольшая, в тёмной рамке.

Папа стоял на строительной площадке в каске и щурился от солнца. Рядом был молодой Александр — ещё без дорогих костюмов, без седины у висков, без привычки говорить так тихо, когда злится. Мне было двадцать или двадцать один, когда сделали этот снимок.

— Ты оставил её, — сказала я.

Александр проследил за моим взглядом.

— Ев.

Я посмотрела на него.

— Что?

Он колебался.

— Мне жаль, что вчера получилось именно так.

Я усмехнулась.

— Получилось?

— Ты понимаешь, о чём я.

— Нет. Теперь я предпочитаю, чтобы мне объясняли конкретно.

Он отвёл взгляд. Это было настолько непривычно, что я почти пожалела о сказанном.

— Мне жаль, что ты узнала о Кире и Мие вот так, — произнёс он. — Я собирался рассказать сам.

— Когда?

— Когда ты выйдешь.

— Я вышла.

— Раньше, чем мы ожидали.

Мы.

Я отметила слово и сразу сама себя одёрнула. Адвокаты. Он и адвокаты. Конечно «мы». Не обязательно Кира. Не обязательно что-то ещё.

— Я должна была сидеть дольше, поэтому можно было не торопиться? — спросила я.

— Я не это сказал.

Александр смотрел на меня долго.

— Ты всё ещё делаешь это.

— Что?

— Берёшь мои слова и находишь в них самый плохой возможный смысл.

Сначала мне захотелось ответить резко. Потом стало холодно. Потому что эта фраза была знакомой. Не дословно.

По ощущению. Я слышала её раньше. Где-то дома, на кухне, ещё до гостиницы, до суда, до всего. Тогда я, наверное, действительно перекручивала его слова.

Я много чего делала тогда. Плохо спала. Злилась. Плакала без причины.

Забывала разговоры.

— Возможно, — сказала я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.